

«СИЛА» ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И ЯЗЫКОВАЯ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Надежда Владимировна Борисова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 марта 2018 <i>Принята к печати:</i> 27 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Язык является одновременно одним из существенных факторов, имеющих отношение к структурным характеристикам этнических территориальных автономий, и объектом преференциальной политики в отношении как этнических территориальных автономий (со стороны национального правительства), так и в отношении этноязыковых миноритарных групп, проживающих в границах подобных автономий (со стороны регионального правительства). В статье ставится вопрос о соотношении, с одной стороны, политического веса этнической территориальной автономии, а, с другой, масштаба и институционализированности языковой преференциальной политики, проявляющейся в силе языкового территориального режима. В результате количественного корреляционного анализа (28 случаев) и сравнительного анализа четырех отдельных случаев этнических территориальных автономий (Воеводина в Сербии, Уэльс и Шотландия в Великобритании и Страна Басков в Испании) были выявлены факторы структурного и контекстуального характера, обуславливающие или нарушающие связи между «силой» этнической территориальной автономии и масштабом и институционализированностью языковой преференциальной политики. К структурным факторам отнесены особенности этнической структуры сообщества и «веса» в ней этноязыковых меньшинств. Размер этноязыкового меньшинства обуславливает политическую силу и ресурсы возможных субъектов языковых требований (партий, общественных этнических советов, НГО), успешность конвертации последний в институционализированный политический курс. К контекстуальным – роль исторического и политического контекста формирования этнической территориальной автономии и институционализации языковой преференциальной политики. Объяснена логика взаимовлияния этих факторов.</p> <p><i>Исследование выполнено в Пермском государственном национальном исследовательском университете за счет гранта Российского научного фонда: проект №15-18-00034 “Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств” (рук. Панов П.В.)</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университете e-mail: borisova_nv@psu.ru</p>	
<p>Ключевые слова: этническая территориальная автономия; языковая преференциальная политика; этноязыковое меньшинство; языковой территориальный режим</p>	

Преференциальная политика является реализацией принятого публично-правового решения, которое фиксирует особые институциональные преференции (гарантии и предпочтения) для этнической территориальной автономии (ЭТА) в целом, а также для отдельных титульных и нетитульных этнических групп внутри нее. Преференции как объект подобной политики могут касаться очень широкого спектра вопросов, что позволяет разделить их на четыре основных

группы: 1) преференции, непосредственно связанные с этнической спецификой региона – прежде всего, язык и религия; 2) преференции в плане участия ЭТА в принятии решений на общенациональном уровне; 3) преференции ЭТА в сфере полномочий в самоуправлении; 4) преференции релевантные для компактно проживающих в ЭТА этнических групп, направленные на обеспечение гарантий доступа к власти (на общенациональном и региональном уровнях).

Такой широкий спектр приложения преференциальных политик может иметь разную конфигурацию в различных автономиях и зависеть как от ее структурных характеристик (демографических, экономических, лингвистических и др.), так и контекстуальных условий ее создания и функционирования. Речь идет, как минимум о таких условиях как: характер национального политического режима, условия возникновения и дальнейшей институционализации ЭТА, наличие *kin-state*, которое является одним из агентов продвижения или требований преференций для этнической группы.

Одной из наиболее доступных и масштабных с точки зрения охвата анализируемых существующих в современном мире территориальных автономий, включающих в том числе и выделенные на основе этнического признака, является база *Regional Autonomy Index*¹. Данные, содержащиеся в данной базе позволяют оценивать «вес» институциональных и финансовых преференций, которые получают автономии как в сфере общенациональной политики, так и самоуправления. Однако эта база, равно как и многие иные исследования, посвященные содержанию и конфигурации преференциальных политик в отношении ЭТА², специальным образом не учитывают преференции в области языка. Вместе с тем, язык выступает и как один из существенных факторов, имеющих отношение к структур-

ным характеристикам ЭТА, и как объект преференциальной политики. Такое амбивалентное положение языка обусловлено тем, что, как пишет Р. Брубейкер, «язык <...> является универсальным и всеобъемлющим средством социальной жизни (в ее публичной и частной ипостасях); он создает и поддерживает непосредственную среду общественного дискурса, правительства, администрации, права, судов, образования, медиа, топонимики в сообществе». Это означает, что «публичная жизнь как таковая не может быть алингвальной»³. Эта мысль Брубейкера находит подтверждение в практике функционирования ЭТА в различных странах мира, где языковая преференциальная политика в отношении как этнических территориальных автономий (со стороны национального правительства), так и в отношении этноязыковых миноритарных групп, проживающих в границах ЭТА (со стороны регионального правительства), оказывается широко распространенной. В связи с этим возникает вопрос о том, как соотносятся сила автономии (по версии RAI) и масштаб и институционализированность языковой политики? Иными словами, исследовательская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: чем выше уровень и сила автономии, тем больше масштаб и институционализированность языковой политики, проявляющиеся в силе языкового территориального режима.

Теория и методы. Под языковой политикой в настоящем исследовании понимается политика (как система мер и действий), направленная на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. К. Уильямс справедливо указывает на то, что объем, содержание и период осуществления языковой преференциальной политики зависят от комбинации следующих трех важнейших факторов: 1) политический контекст определения, реализации и коррекции языковых стратегий (политических курсов); 2) отношения между политиками, чиновниками и группами интересов и 3) роль законодательных реформ,

¹ The Regional Authority Index (1950-2010).

² Ilievski, Z.; Wolff, S. Ethnic Conflict Regulation as Institutional Design: The Case of the Western Balkans. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Ethnic%20Conflict%20Regulation%20as%20Institutional%20Design.pdf>; Complex Autonomy Arrangements in Western Europe. A Comparative Analysis of Regional Consociationalism in Brussels, Northern Ireland and South Tyrol / Autonomy, Self-Governance, and Conflict Resolution: Innovative Approaches to Institutional Design in Divided Societies / ed. Weller Marc and Wolff Stefan. Routledge, 2005; Cederman, L.-E. [et al.] Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // *American Political Science Review*, 2015, No. 2(109), pp. 354-370.; Wolff, S. Complex Power-Sharing and the Centrality of Territorial Selfgovernance in Contemporary Conflict Settlements // *Ethnopolitics*, 2009, No. 1 (8), pp. 27-45.

³ Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1 (19), pp. 1-20.

судебной практики в контексте защиты или модификации языковых стратегий⁴.

Следует согласиться с Э. Лю в том, что признание языка означает наделение правами его носителей⁵. Речь идет, прежде всего, о том, что институционализация такого права обеспечивает как выживание, так и воспроизводство сообщества. Но воспроизводство сообщества (группы, меньшинства), отличающееся от иных в языковом отношении, возможно только в том случае, если языковая преференциальная политика обеспечивает не просто возможность изучения языка меньшинства и право говорения на нем в частной жизни, но 1) организует комплексное школьное образование на языке меньшинства, который, таким образом, является средством обучения⁶ и 2) вводит язык как средство коммуникации в публично-правой сфере и практиках администрирования. Преференции в сфере языка (в том числе наделение его статусом официального) могут быть институционализированы и гарантированы как национальной конституцией, специальным национальным законом, так и субнациональными (региональными) или локальными нормативно-правовыми актами. Институционализация языковой преференциальной политики, в свою очередь, формирует (устанавливает) языковой территориальный режим (ЯТР), как элемент ЭТА.

В исследовательской литературе широко используется понятие “языковой режим”⁷, но

сколь угодно единого конвенционального подхода к его определению не выработано. Исследователи, как правило, связывают языковой режим с практикой функционирования политических институтов и процедур в политике. Так, например, интересным представляется подход, предложенный Линдой Кардинал, которая, в частности, уточняет, что «формируемый в контексте властных отношений, политики перераспределения и установления гегемонии языковой режим имеет три измерения: функциональное, символическое и политико-правовое»⁸. Здесь следует, по-видимому, уточнить, что функциональное измерение, как правило, касается языкового планирования, в котором можно выделить три группы решений относительно языка: 1) решения относительно норм и правил используемого сообществом языка; 2) решения относительно статуса языка сообщества; 3) решения относительно организации системы преподавания и изучения языка. Первая группа решений чаще всего связана с решениями относительно грамматики и лексики языка. Такого рода решения не столь часто имеют сколько-нибудь политическое влияние. Хотя именно в ряду таких решений оказываются реформы языка, включающие, например, смену алфавита⁹ или разрешение параллельного использования в письменной речи двух алфавитов¹⁰. Подобные реформы, безусловно, имеют политическое содержание и последствия. Собственно, решения относительно статуса языка, а также организации системы его преподавания и изучения оказываются политически релевантными, поскольку являются одновременно как содержанием, так и предметом языковой по-

⁴ Williams, C. *Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23), p. 102.

⁵ Liu, A. *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P. 12.

⁶ Brubaker, R. *Language, Religion and the Politics // Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), p. 8.

⁷ Liu, A. *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015; Agarin T. *Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // Nationalism and Ethnic Politics*, 2014, No. 3(20), pp. 349-369.; Cardinal, L. *Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012; Pool, J. *Language Regimes and Political Regimes / Language Policy and Political Development / ed. by Weinstein Brian*. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.

⁸ Cardinal, L. *Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012. P. 4.

⁹ Так, например, это случилось в Молдавии, которая перешла с кириллицы на латиницу, а входящее в ее состав Приднестровье сохранило кириллический алфавит.

¹⁰ В Автономном крае Воеводина в Сербии в 15 муниципалитетах разрешено использование как латиницы, так и кириллицы в письменной речи на сербском языке. Более подробно см: *Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina*. 15 February 2011. Mode of access: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php>

литики. «Символическое измерение языкового режима, – считает Кардинал, – проявляется в свойственных ему репрезентациях и символах, в то время как политико-правовое в институционализированных правилах, требованиях и нормативном признании практик использования языка членами сообщества в различных сферах жизнедеятельности сообщества»¹¹.

Понятие «языковой территориальный режим» является еще менее определенным. Так, Р. Брубейкер, используя его в одной из своих работ применительно к характеристике сложившейся в Квебеке практики реализации языковой политики¹², не дает ему определения. Определение понятия ЯТР требует обращения к типологии языковых режимов, предложенной Э. Лю, которая наряду с иными типами языковых режимов выделяет “*power-sharing*” языковой режим. Этот тип режима представляет особый интерес в контексте настоящего исследования в силу того, что для него свойственно правовое признание как равнозначных нескольких языков вне зависимости от того, является ли группа-носитель языка миноритарной или же доминирующей в этнической структуре сообщества¹³. Иными словами, институционализация этого типа режима увязана с формированием политических институтов “*power-sharing*”, как основополагающего элемента ЭТА.

Таким образом, ЯТР представляет собой систему специальных институциональных соглашений по вопросам использования языка, которые устанавливают образцы взаимодействий между членами регионального (территориального) сообщества¹⁴. Для типологизации ЯТР используются два его измерения: *глубина* и *универсальность* регулирования вопросов использования языка на разных аренах обще-

ственных и межличностных взаимодействий, наиболее важными из которых являются образование и управление¹⁵. Комбинируя эти два измерения, можно выделить два полюса спектра вариаций языковых территориальных режимов: «сильные» и «слабые» режимы. Набор возможных решений относительно использования языка в публично-правовой сфере широк: обязательное использование или опциональное право использования миноритарного языка в области государственного управления (например, в формате публикации нормативно-правовых актов на языке меньшинства), судопроизводства, охраны правопорядка и т.п. Такова же логика и для сферы образования: преподавание родного для меньшинства языка как предмета или обучение на этом языке; на уровне начальной школы (и даже дошкольного образования) или средней и даже университета.

Настоящее исследование выполнено на основе корреляционного анализа и качественных описаний отдельных случаев ЭТА (метод case-study). Данные собраны и проанализированы в рамках исследовательского проекта «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (грант РФ № 15-18-00034). В ходе реализации проекта его участниками была создана база данных (ERAD¹⁶), которая содержит информацию о 134 ЭТА из 35 стран мира. Ее принципиальное отличие от иных подобных баз заключается в том, что в нее включены и закодированы в т.ч. и данные относительно реализации языковой преференциальной политики и статуса языка меньшинства, образующего ЭТА.

¹¹ Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012. P.4.

¹² Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), p. 9.

¹³ Liu, A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P.15.

¹⁴ Borisova, N.; Sulimov, K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // *Nationalities Paper*, 2018, Vol. 46, No. 3, pp. 358-373.

¹⁵ Данная типология была предложена в соавторстве с К.А. Сулимовым в рамках доклада «The Institutionalization of Language Policy in Polylingual Ethnic Territorial Autonomies», представленного на Всемирном конвенте Ассоциации по изучению национализма (The Association for the study of Nationalities 2016 World Convention) в г. Нью-Йорке (США) в апреле 2016 г.

¹⁶ ERAD. База данных. URL: <http://identityworld.ru/index/database/0-21> (дата обращения 08.08.2016)

Институциональная и политическая сила
ЭТА и ЯТР

ЭТА	Индекс RAI			Индекс предпочтений в области языка			
	Индекс самоуправления	Индекс участия в решениях центрального правительства	Интегрированный индекс RAI	Статус языка	Язык в системе образования	Язык как инструмент преподавания	Сила ЯТР
Фландрия, Бельгия	14	10	24	3	2	1	6
Валлония, Бельгия	14	5	19	3	2	1	6
Федерации Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина	14	4	18	3	2	1	6
Республика Сербска, Босния и Герцеговина	16	4	20	3	2	1	6
Квебек, Канада	18	6,5	24,5	3	2	1	6
Юра, Швейцария	18	8,5	26,5	3	2	1	6
Южный Тироль в Трентино Альто Адидже, Италия	13	4	17	1	2	1	4
Воеводина, Сербия	8	4,5	12,5	1	2	1	4
Страна Басков, Испания	11	10,5	21,5	1	1	1	3
Каталония, Испания	14	9,5	23,5	1	1	1	3
Галисия, Испания	14	9,5	23,5	1	1	1	3
Наварра, Испания	15	10,5	25,5	1	1	1	3
Корсика, Франция	10	2,5	12,5	0	1	0	2
Валле де' Аоста, Италия	15	4	19	1	2	1	4
Уэльс, Великобритания	9	6	15	1	2	1	4
Северо-Карибский Автономный регион, Никарагуа	11	7	18	1	1	1	3
Южно-Карибский Автономный регион, Никарагуа	11	7	18	1	1	1	3
Ачех, Индонезия	12	4	16	0	0	0	1
Фриули Венеция Джулия, Италия	15	4	19	0	1	0	1
Сардиния, Италия	15	4	19	1	1	0	2
Сабах, Малайзия	15	8	23	0	1	0	1
Саравак, Малайзия	15	8	23	0	1	0	1
Минданао, Филиппины	11	3	14	1	0	0	1

ЭТА	Индекс RAI			Индекс предпочтений в области языка			
	Индекс самоуправления	Индекс участия в решениях центрального правительства	Интегрированный индекс RAI	Статус языка	Язык в системе образования	Язык как инструмент преподавания	Сила ЯТР
Северная Ирландия, Великобритания	12	6	18	0	1	1	2
Шотландия, Великобритания	14	6	20	1	1	1	3
Папуа, Индонезия	11	3	14	0	0	0	0
Сицилия, Италия	15	4	19	0	0	0	0
Нгабе Бугле, Панама	6	6	12	0	1	0	1

Table 1. Institutional and Political Strength of Ethnic Territorial Autonomy & Linguistic Territorial Regime
 Источник: Regional Authority Index. Mode of access: http://www.unc.edu/~gwmrks/data_ra.php; данные автора

Поскольку уровень и сила автономии в рамках данного исследования оцениваются исходя из данных RAI, то в выборку попали только 28 этнических территориальных автономий из 15 стран, включенных в RAI и где в результате сбора данных выявлены и зафиксированы случаи реализации языковой преференциальной политики (см. Таб. 1).

Во всех отобранных случаях ЭТА имеет преференции, непосредственно связанные с этнической спецификой региона, которая, в свою очередь, связана с языком. ЭТА обладают соответствующими языковыми преференциями (придание языку титульной этнической группы официального статуса, включение в программы школьного образования, как минимум, дисциплин по изучению языке титульной национальности и т.п.). «Сила» преференций в использовании «своего» языка зависит, в первую очередь, от такого фактора как доля титульной этнической группы в составе населения ЭТА (например, Каталония или Страна Басков в Испании или Квебек в Канаде). В отдельных случаях, когда этническим идентификатором ЭТА выступает, прежде всего, религия, а не язык или не только язык, преференции для ЭТА в этой сфере касаются преимущественно религиозного исповедания, правда это оказывается актуальным лишь при нали-

чии государственной религии / церкви (например, Саравак, Сабах в Малайзии, Ачех в Индонезии).

В RAI максимально возможный уровень автономии (самоуправление + участие в работе центрального правительства) у ЭТА составляет 27. В нашей выборке ЭТА с таким уровнем автономии нет. Самым большим уровнем автономии обладает швейцарская Юра (26,5), а самым маленьким – Нгабе Бугле в Панаме (12).

Данные, касающиеся силы языковой преференциальной политики в ЭТА были закодированы по трем параметрам. Измерение «универсальности» образования на языке титульной для ЭТОЙ этноязыковой группы оценивается посредством выделения двух вариантов: факультативное (1) или обязательное (2) изучение языка титульной группы. «Глубина» через различие систем изучения языка как предмета (0) и системы, когда язык является и предметом, и как инструментом обучения (1). Статус языка титульной группы в ЭТА оценивался как 0, если этот язык не имеет официального статуса; 1 – его статус закреплен на уровне региона; 2 – на общенациональном уровне; и 3 – статус языка закреплен как на уровне ЭТА, так и общенациональном.

Корреляционный анализ. В предложенной выборке наибольший интегрированный индекс силы и институционализированности языковой преференциальной политики (6), безусловно соответствующий сильному ЯТР, мы видим в случаях бельгийских Фландрии и Валлонии, обоих энтитетов Боснии и Герцеговины; канадского Квебека и Швейцарской Юры. Бельгия, Босния и Герцеговина, Канада и Швейцария являются федерациями. При этом в случае еще двух федераций – Индонезии и Малайзии – этот интегрированный индекс имеет минимальное значение, что, впрочем, может быть объяснено как характером политического режима, сложившегося в данных полициях, так и тем, что для обеих стран более важными и политизированными оказываются преференции для этноязыковых меньшинств в области религии, а не языка.

А вот в случае с ЭТА в составе децентрализованных унитарных государств наблюдается куда большее разнообразие. Интегрированный индекс силы и институционализированности языковой преференциальной политики варьируется от 4 в Южном Тироле (Трентино Альто Адидже в Италии), Валле де'Аоста (Италия), Воеводине (Сербия) и Уэльсе (Великобритания) до 1 в Сардинии (Италия) и Нгабе Бугле (Панама). Эти автономии объединяет не только то, что они являются частью децентрализованных унитарных государств, но и то, что процессы децентрализации, частью которых является и институционализация преференциальной языковой политики, в них были сопряжены с процессами послевоенного регулирования (Южный Тироль; Воеводина) и/или установления поставторитарного политического порядка (Воеводина, испанские регионы, панамская Нгабе Бугле).

Корреляционный анализ (см. Таб. 2), направленный на выявление связи между силой этнической территориальной автономии (интегрированный индекс RAI) и силой языкового режима, на примере 28 случаев показывает наличие незначительной положительной корреляции (корреляция Пирсона равна 0,362). При этом, положительная зависимость между официальным статусом языка этнического меньшинства и

индексом самоуправления выше и является значимой: корреляция Пирсона составляет 0,452. Наличие второй выявленной корреляции указывает на то, что наделение ЭТА правом и компетенциями самоуправления в различных сферах (от культурной политики и судопроизводства до налогообложения и внешней политики) сопровождается, как минимум, признанием за языком этнической титульной группы статуса официального не только в пределах ЭТА, но и на национальном уровне.

Таблица 2

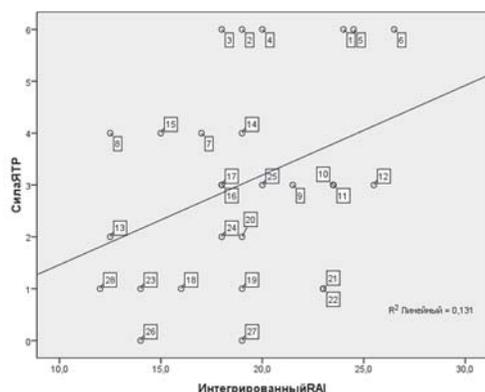
Корреляционный анализ связи между силой этнической территориальной автономии и силой языкового режима

		Интегрированный индекс RAI	Индекс самоуправления (Self Rule)	Индекс участия (Shared Rule)
Сила ЯТР	Корреляция Пирсона	,362	,343	,208
	Знч.(2-сторон)	,059	,074	,288
	N	28	28	28
Статус языка	Корреляция Пирсона	,413*	,452*	,170
	Знч.(2-сторон)	,029	,016	,388
	N	28	28	28
Язык в системе образования	Корреляция Пирсона	,236	,222	,138
	Знч.(2-сторон)	,227	,256	,483
	N	28	28	28
Язык как инструмент преподавания	Корреляция Пирсона	,340	,140	,405*
	Знч.(2-сторон)	,082	,486	,036
	N	27	27	27

Table 2. Correlation analysis of the relationship between the strength of ethnic territorial autonomy and the power of the language regime

Коэффициент детерминации (линейный R2) составляет 0,131 и указывает, как это видно в диаграмме рассеивания (см. Диаграмму 1), на наличие относительной положительной корреляции и позволяет выявить как наиболее типичные, так и отклоняющиеся случаи.

Диаграмма 1

При этом, наибольший разброс типичных и отклоняющихся случаев опять-таки характерен для группы ЭТА, входящих в состав децентрализованных государств. Case-study двух типичных (Шотландия в Великобритании и Страна Басков в Испании) и двух отклоняющихся случаев (Воеводина в Сербии и Уэльс в Великобритании) позволит объяснить логику зависимости силы институционализированности языковой политики от уровня автономии этнического региона.

Страна Басков. Испания в силу своего исторического развития в этнолингвистическом отношении гетерогенна, что в XX периодическим образом актуализировало вопрос об автономии регионов и территориальной целостности страны. Первая попытка урегулирования этого вопроса была предпринята в период Второй республики (1931-1939): тогда Каталония, Страна Басков и Галисия запустили легальный процесс создания независимых от центра автономных образований¹⁷. Однако установление диктаторского режима генерала Франко в 1939 г. фактически заморозило этот процесс, символическим выражением чего стала позиция Фран-

ко: «Лучше красная Испания, чем Испания раздробленная»¹⁸. Политическая трансформация, последовавшая за падением режима Франко, ознаменовалась принятием в 1978 году новой национальной конституции, которая закрепила унитарный характер государства, но при этом гарантировала право на существование автономий для этнических групп и региональных сообществ Испании. Фрага Ирибарне, один из авторов конституции 1978 года, отмечал, что «была предпринята попытка не допустить ни унитарное устройство, ни федерализм, а найти между ними золотую середину для того, чтобы территориальная целостность государства была сохранена»¹⁹. Тогда же, в конце 1970-х гг., региональные (баскский, каталанский и галисийский) языки были признаны в качестве официальных региональными статутами. Рост требований регионализма был обусловлен процессами демократизации, успешный характер которой оказался увязанным с решением дилеммы «автономия – территориальная целостность». Институционализированная конституцией 1978 г. испанская модель «государства автономий» стала рецептом решения этой дилеммы. Частью этой модели стала лингвистическая концепция «территориального билингвизма», суть которой в следующем: «все языки, отличные от испанского, признаются официальными в тех областях, где на них разговаривают, а правительства этих двуязычных областей наделяются всеми полномочиями для решения вопросов языковой политики в своих регионах»²⁰.

Все испанские регионы в нашей выборке имеют интегрированный индекс RAI чуть выше среднего (см. Таб. 1). При этом у Страны Басков он несколько ниже, чем у соседей: регион обладает наименьшим объемом полномочий в самоуправлении (11), в то время как у Наварры этот показатель соот-

¹⁷ Региональная политика стран ЕС / отв. ред. А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 82. Режим доступа: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf [Regional'naja politika stran ES (Regional Policy in the EU) / Ed. by A.V. Kuznetsov. Moscow: IMEMO RAN, 2009. P. 82. Mode of Access: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf]

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Волкова Г.И. Процесс федерализации Испании // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – №6. – С. 78. [Volkova, G.I. Process federalizacii Ispanii [Federalization in Spain] // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 6, p. 78.]

²⁰ Vilarrubias, M. Un nuevo actor lingüístico en España // *El País*. 20 Abril 2015.

ветствует 15, а у Галисии и Каталонии – 14. Причина – в том, что финансовые и налоговые полномочия принадлежат не правительству Страны Басков в целом, а каждой из трёх провинций (Алава, Бискайя, Гипускоа), входящих в состав Страны Басков²¹.

Эксперты отмечают, что Страна Басков наряду с Каталонией являются наиболее продвинутыми в плане институционализации и развития языковой политики²². При этом, в отличие от каталанского в Каталонии, баскский в Стране Басков является фактически миноритарным: на нем говорят порядка 20% населения Эускади²³.

Важным периодом в истории Страны Басков стала первая треть XX в. Именно тогда активно развивалось баскское «движение возрождения», участниками которого были поэты, музыканты, журналисты, художники, католические священники, учителя, ратовавшие в том числе и за возрождение Эускади. Тогда же была создана «Euskaltzaindia» (1920) – Королевская Академия баскского языка – организация, поддерживающая раз-

витие этнического языка²⁴. Ее возглавил активный участник баскского ренессанса священник Айтель (*Aitzel*). Баскские националисты настаивали на том, что этнический язык группы должен стать основным языком публично-правового общения и социальной сферы в регионе, что требовало серьезной реформы языка, которую в логике Кардинал следует понимать, как функциональное измерение ЯТР. Только через последовательное языковое планирование, направленное на создание билингвальной системы образования, как полагали Айтель и его соратники, возможно возрождение и воспроизводство баскского языка²⁵. Эти идеи были актуализированы и в пост-франкистский период. Уильямс указывает на то, что схожие требования в этот же период можно найти в Каталонии, Ирландии и Уэльсе²⁶.

У правительства Страны Басков были особые стимулы для институционализации языковой политики и стандартизации баскского языка. В условиях деятельности сильных и крайне активных террористических организаций (*ETA*) перед региональным правительством стояла задача борьбы с ними. Для этого было необходимо формирование и развитие соответствующих лингвистических компетенций у сотрудников органов власти и правоохранительных органов. Статутом об автономии Страны Басков (1981 г.), Законом «О стандартизации баскского языка» №10 от 24 ноября 1982 г., а также Законом «О полиции» была создана и введена в действие система обучения сотрудников полиции автономии баскскому языку на двух уровнях: 1) базовый уровень (обязательный для всех сотрудников, требует владения разговорной речью басков) и 2) продвинутый (подразумевает хорошее знание письменно-

²¹ Экономическое соглашение Басков и Испании имеет свою историю: в 1876 г. Король Испании Альфонсо XII отменив основные баскские фуэросы (военные, налоговые и таможенные льготы и привилегии), сохранил за тремя баскскими провинциями фискальную автономию (в 1878 г. это право оформилось новым документом – исторически первым экономическим соглашением). В период диктатуры Франко для Бискайи и Гипускоа экономическое соглашение было отменено, а для Алавы оно продолжало действовать, как плата диктатора за его поддержку, которую провинция оказала Франко в период мятежа. В пост-франкистский период в 1979 г. экономическое соглашение было возобновлено со всеми тремя провинциями: финансовая и налоговая власть принадлежит не правительству Страны Басков в целом, а каждой из трёх провинций, входящих в состав Страны Басков.

²² Поггесчи Дж. Языковые права в Испании / Пер. с англ. М.М. Красновой // Федерализм: Российское и международное измерения. – Казань, 2004. Вып. 1. [Poggeschi, Dzh. Jazykovye prava v Ispanii / Transl. by M. M. Krasnova (Language Rights in Spain) // Federalizm: Rossijskoe i mezhdunarodnoe izmerenija. Kazan', 2004. Iss. 1.]

²³ Ibid.

²⁴ Эускалцаиндия: Академия баскского языка // Герника. – 2011. – № 1. [Jeuskalcajndija: Akademija baskkogo jazyka (Euskaltzaindiak: The Academy for the Basque Language) // *Gernika*. 2011. No. 1.]

²⁵ Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012.

²⁶ Williams, C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // *Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23). P.105.

го языка и требуется агентам, отвечающим за подготовку и издание документов)²⁷.

В области судопроизводства региональное правительство в результате переговоров с судебным департаментом испанского правительства в 1998 г. подписало соглашение, регламентирующее практику использования баскского языка в судах и судебном процессе. В том же году правительство автономии приняло ввел в действие «План стандартизации использования баскского языка в государственном управлении на период 1998-2002 гг.». Эти и иные решения ЭТА в области языкового планирования и политики нередко оспаривались (как это было и в случае Каталонии) центральным правительством в Верховном Суде.

В настоящее время баскский стандартизирован. Создано и работает Консультативное агентство по баскскому языку, которое ответственно за поддержание регионального языка. Активно работают общественные организации, которые при поддержке специальных программ регионального правительства реализуют инициативы по продвижению баскского языка в публичном пространстве улиц²⁸.

Следует отметить, что языковая политика в стране Басков оказывалась в повестке не только националистов, но и социалистов, чьими усилиями в 1982 г. этот язык приобрел статус официального регионального языка,

а система образования в регионе стала организовываться, как и в Каталонии преимущественно по билингвальному принципу посредством введения трех моделей обучения: 1) на баскском языке + испанский как предмет; 2) на испанском языке + баскский как предмет; 3) предметы из цикла точных наук на испанском + предметы гуманитарного цикла на баскском. В частных школах разрешены программы обучения только на испанском языке при отсутствии баскского как предмета²⁹.

Шотландия. Регионы в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии не отличаются по уровню возможностей участия в государственном управлении (у всех трех – 6). В нашей выборке это средний уровень. Но есть серьезные различия в объеме полномочий в самоуправлении: высокий (14) у Шотландии, чуть ниже (12) в Северной Ирландии и еще ниже (10) у Уэльса. Этот показатель свидетельствует о продвинутой исполнительской деволюции, в которой безусловным лидером является Шотландия, в то время как в качестве «ведомого» и «догоняющего» региона выступает Уэльс. В Северной Ирландии более важным было преодоление внутрорегионального конфессионального конфликта, потому деволюция в этом случае не решала, в первую очередь, в отличие от Шотландии, вопросы финансовой/экономической автономии. Вместе с тем, наличие открытого конфликта и фактического *kin-state* как участника согласительного процесса, обусловили похожесть моделей деволюции в Шотландии и Северной Ирландии: делегирование и законодательных полномочий через распределение предметов ведения и полномочий на исключенные, зарезервированные и переходящие.

²⁷ Поггесчи Дж. Языковые права в Испании / Пер. с англ. М. М. Красновой // Федерализм: Российское и международное измерения. – Казань, 2004. Вып. 1. [Poggeschi, Dzh. Jazykovye prava v Ispanii / Transl. by M. M. Krasnova (Language Rights in Spain) // Federalizm: Rossijskoe i mezhdunarodnoe izmerenija. Kazan', 2004. Iss. 1.]

²⁸ Например, проект «Рассказчик» (более подробно см.: Для популяризации баскского языка в общественных местах реализуется инициатива «Рассказчик» // Герника 2010. – №4. Режим доступа: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmoa-martxan-da> [Dlja populjarizacii baskskogo jazyka v obshhestvennyh mestah realizuetsja iniciativa «Rasskazchik» // Gernika, 2010, No. 4. Mode of access: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmoa-martxan-da>]

²⁹ Мустафина Д. Основные направления языковой политики в регионах европейских государств (на примере автономий в Испании) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №29. – С. 108. [Mustafina, D. Osnovnye napravlenija jazykovoj politiki v regionalah evropejskih gosudarstv (na primere avtonomij v Ispanii) (Main Directions in the Regions of the European Countries (Autonomies in Spain)) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, No. 29, p. 108.]

Шотландия получила расширенные права в фискальных полномочиях, что было обусловлено преимущественно сильными экономическими позициями региона при относительной слабости его культурных/языковых требований. Хотя первые манифестации языковых требований современных шотландцев восходят еще к 1970-м гг., когда были созданы первые общественные организации по продвижению и защите скотс, как регионального языка (издание словаря скотс, разработка образовательных программ для носителей скотс и др.)³⁰. Но эти требования наталкивались на два, по-видимому, важных препятствия. Во-первых, скотс является экстриминоритарным языком (по данным переписи 2011 г. на нем говорят более или менее активно около 1%, проживающих в Шотландии. Во-вторых, идут дискуссии о том, считать ли скотс диалектом или же языком.

Так или иначе, доминирующим и официальным языком Шотландии является английский (93% шотландцев постоянно используют английский (2011)), а шотландский диалект (скотс) и гаэльский язык являются миноритарными³¹, статус которых разный. Практически с первых лет работы Шотландского парламента (Акт о Шотландии 1997 г.) в его составе создана и работает специальная межпартийная группа по вопросам скотс, которому Вестминстер не оказывает поддержку: в 2001 г. Великобритания ратифицировала «Европейскую хартию национальных языков и языков меньшинств». Руководствуясь частью II Хартии она рассматривает скотс как важный элемент культурного наследия, в то время как гаэльский в соответствии с частью III Хартии ею признается как миноритарный региональный язык, требующий специальной государственной

поддержки³². Эксперты отмечают, что отсутствие у скотс официального статуса не способствует стандартизации процесса и институционализации практики преподавания скотс в средней школе³³. Как правило, в учебные планы включены дисциплины по шотландской литературе, но не скотс. Более продвинутой в этом отношении оказывается ситуация в шотландских вузах, образовательные программы которых предлагают более широкий спектр курсов не только по шотландской истории или культуре, но и шотландскому языку. В конце 2000-х по мере роста электорального влияния «Шотландской национальной партии» вопрос о статусе скотс вошел в региональную повестку. Например, «12 февраля 2010 года опубликован доклад рабочей группы шотландского парламента по пропаганде шотландской литературы, отражающий основные направления политики в этой области»³⁴.

В отличие от скотс, гаэльский язык получил официальный статус в 2005 г., когда был принят Акт о гаэльском языке в Шотландии (*The Gaelic Language (Scotland) Act 2005*). Однако серьезные меры по его поддержке в Шотландии предпринимались задолго до этого. Так, «в соответствии с Актом об образовании в Шотландии 1980 г. гаэльский язык был введен в учебные планы тех школ, которые расположены в населенных пунктах с преимущественно гаэльско-говорящим населением, <...> а в 2000 г. был издан Акт о стандартах школьного образования в Шотландии, обязавший местные администрации отчиты-

³⁰ Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, pp. 45-58.

³¹ Григорьева П.В. Язык в национальной системе образования (на примере языковой ситуации в Шотландии) // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 10. [Grigor'eva, P.V. Jazyk v nacional'noj sisteme obrazovanija (na primere jazykovej situacii v Shotlandii) (Language in National Educational System: Language Situation in Scotland) // *Sociosfera*, 2010, No. 1, p. 10.]

³² Тузлаева Е. Парадигма и типологические особенности языковой ситуации в современной равнинной Шотландии // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №106(5). С. 92 [Tuzlaeva E. Paradigma i tipologicheskie osobennosti jazykovej situacii v sovremennoj ravninnoj Shotlandii // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. №106(5). S. 92.]

³³ Григорьева П.В. Язык в национальной системе образования (на примере языковой ситуации в Шотландии) // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 10. [Grigor'eva, P.V. Jazyk v nacional'noj sisteme obrazovanija (na primere jazykovej situacii v Shotlandii) (Language in National Educational System: Language Situation in Scotland) // *Sociosfera*, 2010, No. 1, p. 10.]

³⁴ Ibid. С. 11.

ваться о мерах по продвижению гаэльского языка»³⁵. Акт 2005 г. учредил комитет по развитию гаэльского языка. В компетенции комитета входят вопросы планирования программ и мероприятий, направленных на его развитие. Еще в начале 1990-х гг., до принятия этого акта, в Шотландии в рамках политики по сохранению культуры было принято решение о радиовещании на гаэльском языке (*The Broadcasting Act (S 183-A), membership of the Gaelic Media Service*). В продолжение этой практики с 2007 г. вещает независимый телевизионный канал³⁶. Однако, следует отметить, что несмотря на эти и другие меры доля носителей гаэльского языка в современной Шотландии ничтожно мала: по данным переписи 2011 г. она составляет меньше 1%³⁷ и несколько уменьшилась по сравнению с 2001 г., когда национальной переписью был зафиксирован показатель в 1,2%³⁸.

Уэльс. В Уэльсе, самом бедном регионе Соединенного королевства, была реализована «исполнительная деволюция» (в соответствии с Уэльским Актом 1998 г. учрежденная Ассамблея Уэльса получила преимущественно исполнительные, а не законодательные полномочия³⁹). Процесс де-

волюции в Уэльсе был запущен в результате реформ правительства Тони Блэра в конце 1990-х гг. С. Коданева приводит такое высказывание министра иностранных дел Великобритании: «Отражая разнообразие частей, составляющих Соединенное Королевство, деволюция служит гарантией будущего»⁴⁰. Характеризуя процесс деволюции в отношении Уэльса, И. Бусыгина отмечает, что «в отличие от Шотландии, Уэльс не требовал полной независимости или даже серьезной политической автономии, так что по отношению к этому региону реализуется наиболее «мягкий» вариант деволюции, основная идея которого заключается в выравнивании прав при сохранении Уэльса как части британской политической структуры»⁴¹.

Рост валлийского регионализма был сопряжен с развитием региональных требований шотландцев и движением за независимость ирландцев. В 1925 году была создана

законодательством, законодательством ЕС (Ст. 106-107 Уэльского Акта 1998)

³⁵ Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, p. 48.

³⁶ Асиновский А.С. Государства и их языки (Опыт России и европейских стран в области языкового строительства и языковой политики). Аналитическая записка. Режим доступа: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article> [Asinovskij, A.S. Gosudarstva i ih jazyki (Opyt Rossii i evropejskih stran v oblasti jazykovogo stroitel'stva i jazykovoj politiki). Analiticheskaja zapiska (Official Language (Language Building and Language Policy: Experience of Russia and European Countries)). Mode of access: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article>]

³⁷ Language. Maps and Charts / Scotland's Census – 2011. Mode of access: <http://www.scotlandscensus.gov.uk/>

³⁸ Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, p. 48.

³⁹ Ассамблея могла разрабатывать и принимать подзаконные нормативно-правовые акты, направленные на исполнение и, если необходимо, уточнение и детализацию законов, принятых национальным парламентом в отношении Уэльса в соответствии с Вестминстерским

⁴⁰ Цит. по: Коданева С.И. О'Коннор С.Д. Страны с меняющимся государственным устройством: федерализм и деволюция на рубеже перехода к новому тысячелетию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел правоведения. – М., 2002. – №4. – С. 25. [Kodaneva, S.I.; O'Konnor, S.D. Strany s menjajushhimsja gosudarstvennym ustrojstvom: federalizm i devolucija na rubezhe perehoda k novomu tysjacheletiju (Changing State Systems: Federalism and Devolution at the Beginning of XXI) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubeznaja literatura. Serija 4. Gosudarstvo i pravo: RZh/RAN. INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel pravovedenija. Moscow: 2002. No. 4, p. 25.]

⁴¹ Бусыгина И. Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе // Казанский федералист. – 2007. – № 1-2. Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/> [Busygina, I. Regionalizacija v stranah Zapadnoj Evropy: Velikobritanija i Francija v sravnitel'noj perspektive (Regionalization in West European Countries: Comparative Analysis of Great Britain and France) // *Kazanskij federalist*, 2007, No. 1-2. Mode of access: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/>]

Валлийская Национальная партия, одним из результатов политической деятельности которой стала институционализация поддержки валлийской культуры и языка. Например, первая школа, которая начала преподавание на валлийском языке, была основана в 1939 г. в валлийском г. Аберистуит. Следует отметить, что политика Лондона в отношении образования на валлийском языке в XIX в. была дискриминационной. Во второй половине 1840-х гг. по инициативе депутата Уильяма Уильямса британское правительство командировало в Уэльс комиссию, которая представила отчет о том, что образование в Уэльсе плачевно, поскольку ведется на валлийском языке. Валлийцы – народ бесчестный, умственно отсталый и блудливый, говорящий на диком языке и исповедующий мрачную религию⁴². «Для улучшения ситуации нужно повсеместно внедрять английский язык», – указала комиссия в своем отчете⁴³. Одним из неизбежных результатов этого доклада было его влияние на самосознание валлийцев, которые «начали верить, что их социальный статус и благополучие могут быть улучшены только через образование и умение говорить и общаться на английском языке»⁴⁴. Английский на протяже-

нии нескольких столетий дискриминировал валлийский, вытесняя его на периферию. Как и гальего в Галисии (Испания), валлийский язык в Уэльсе был языком периферии и долгое время олицетворял непрестижный социальный статус.

В 1993 г. был принят Акт о валлийском языке⁴⁵, который наделил валлийский язык равным с английским статусом во всех сферах общественной жизни Уэльса. То, что институционализировал Акт о валлийском языке 1993 г., было если не избыточным, то достаточным и дало свои плоды настолько, насколько вообще возможно восстановление языковой культуры дискриминируемой и ассимилируемой в течение столетия и более.

Коренные жители Уэльса – валлийцы, сохранившие свою самобытность и культуру, и частично родной язык (на юге и севере преимущественно говорят по-английски). Согласно национальной переписи населения 2011 г. 66% жителей Уэльса идентифицируют себя как валлийцы⁴⁶. При этом в Ронда Кинон Таве и Мертир Тидвиле самый большой процент резидентов, идентифицирующих себя как валлийцы (73% в обоих случаях). Официальный язык – английский. При этом его статус как государственного языка не устанавливается специальными законодательными актами. В то же время региональные языки, такое признание получили. Согласно Акту о валлийском языке⁴⁷ валлийский язык во всех сферах общественной жизни Уэльса уравнивается в правах с английским. Этим же Актом был учрежден *Валлийский Языковой Совет*. Деятельность Совета финансируется из государственного и направлена на продвижение валлийского языка и культуры в Уэльсе. Кроме того, совет получил право мониторинга деятельности местных органов власти по защите/использованию валлийского языка в официальном делопроизводстве, создании условий

⁴² Кобрин К. О национальной гордости валлийцев: рецензия на книгу Geraint H. Jenkins. *The Welsh and Their Language in a British Context*. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm> [Kobrin, K. O nacional'noj gordosti vallijcev: recenzija na knigu Geraint H. Jenkins. *The Welsh and Their Language in a British Context* (On National Dignity of the Welsh: Book Review: Geraint, H. Jenkins. *The Welsh and Their Language in a British Context*. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. 42 p.). Mode of access: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm>]

⁴³ Отчет был представлен в трех томах в синей обложке и получил в дальнейшем неофициальное название «Предательство синих книг» (*The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales*. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>)

⁴⁴ *The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales*. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>

⁴⁵ Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

⁴⁶ Census Gives Insights into Characteristics of the Population in Wales. Mode of access: <http://www.ons.gov.uk/ons/re/mro/news-release/census-21---wales/census-gives-insights-into-characteristics-of-the-population-in-wales.html>

⁴⁷ Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

для обучения языку школьников. По результатам мониторинга Совет представляет доклад на имя министра по делам валлийской культуры и наследия в Ассамблее Уэльса. В 2008 г. решением Ассамблеи Уэльса был инициирован и запущен проект по продвижению валлийского языка в частном секторе (*Investing in Welsh Schemes*). В 2012 г. Совет прекратил свою деятельность, а вместо него была введена должность Валлийского языкового комиссара⁴⁸. Последний глава Совета объяснял прекращение деятельности институции сокращением финансирования⁴⁹. И хотя оценка пессимистична, «в настоящее время в Уэльсе насчитывается более 440 начальных школ и 50 средних школ, преподавание в которых проводится полностью или преимущественно на валлийском языке. Также в Лондоне существует школа, занятия в которой проводятся тоже на валлийском языке. В университетах и колледжах по всему Уэльсу некоторые курсы преподаются на валлийском языке. Кроме того, существует много курсов валлийского языка для взрослых»⁵⁰.

Реализуемая в течение 20 лет региональная языковая политика (направленная на развитие обучения в школах валлийскому языку, радио- и телевидению, изданию прессы на этом языке, дала свои плоды. Так, знание валлийского языка различно в разных возрастных группах. Если в группе 45-49 лет около 80% не знают валлийского языка, то, например, в возрастной группе 10-14 лет таковых только 47%⁵¹. И хотя большая часть территорий Уэльса являются преимущественно англоговорящими, в западных регионах, в

частности, Ангси, Гвидене, доминирует валлийский язык, а в Гламоргане и Ронда Кинон Таве на валлийском говорят и пишут свободно до трети населения. Данные переписи 2011 г. свидетельствуют о доминировании в Уэльсе валлийской идентичности.

В 2000-е годы языковая политика стала одним из основных пунктов повестки дня, ведущих в политическом пространстве Уэльса партий – Лейбористской и Плейд Камри, что нашло отражение в практике межпартийного сотрудничества. В 2007 г. эти партии после выборов в Ассамблею Уэльса сформировали парламентскую коалицию, которая была оформлена специальным межпартийным соглашением 27.06.2007 г. Документ получил название «Один Уэльс: прогрессивная повестка для правительства Уэльса»⁵². Обозначая документ как «повестка», участники коалиции сформулировали главный ее пункт – «Совместное обязательство (на основе ст.3 и ст.4 Уэльского Акта 2006) приступить к подготовке референдума по вопросу о расширении законодательных полномочий Ассамблеи и провести его в срок до истечения полномочий Ассамблеи третьего созыва»⁵³. Пункты повестки для Уэльса, обозначенные в Соглашении тематически совпадают с перечнем исполнительных компетенций, которыми была наделена Ассамблея по Уэльскому Акту 1998 г. Среди них и вопрос о валлийском языке, как «языке всех тех, кто живет в Уэльсе»: «... Валлийский язык – часть нашего общего национального наследия, идентичности и общественного блага. Мы будем добиваться того, чтобы как можно больше людей, молодых и старых, могли выучить валлийский язык. Мы будем поощрять знание языка для процветания его во всем Уэльсе. <...> Мы будем добиваться укрепления законодательных компетенций в области языковой политики, разработки специальной программы мер, которая позволит усилить официальный статус валлийского языка наравне с английским (в том числе и на уровне ЕС), обеспечить защиту языковых прав в области предоставления услуг, а также добиваться

⁴⁸ Welsh Language Board head Meirion Pryor Jones in crisis claim. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-17002698>

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Валлийский язык / Лингвистическая энциклопедия. Mode of access: <http://linguapedia.com.ua/writing/welsh.html> [Vallijiskij jazyk (Welsh) / Lingvisticheskaja jenciklopedija. Mode of access: <http://linguapedia.com.ua/writing/welsh.html>]

⁵¹ 2011 Census: Welsh Language Skills by Local Authority, Gender and Detailed Age Groups. Mode of access: <https://stats.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-Gender-DetailedAgeGroups-2011Census>

⁵² One Wales: A Progressive Agenda for the Government of Wales. 27th June 2007.

⁵³ Ibid. P. 6.

создания должности Валлийского языкового комиссара»⁵⁴.

Преференциальные политики в отношении Уэльса вплоть до последнего времени не касались сфер бюджетной, фискальной политики, а также законодательного процесса (интегрированный индекс RAI – 15). Наибольшие права и преференции регион получил в области языковой политики (Акт о валлийском языке 1993 г.) и регулирования МСУ, вплоть до реформирования (Уэльский Акт 1998, Уэльский Акт 2006). Однако в результате референдума 2011 года были значительно расширены законодательные полномочия Ассамблеи, что выразилось в институционализации права региона принимать законы в 20 предметных областях без согласования с Вестминстером. В настоящее время, в продолжении решения референдума 2011 г. ведутся дискуссии о расширении налоговых полномочий региона, а также прав на заимствования. Решение о размере налогов должно быть принято на региональном референдуме (в планах референдум на 2018 г.).

Воеводина. Воеводину по данным RAI отличает один из самых низких в нашей выборке интегрированный индекс (12,5). Воеводина по сравнению с другими территориями Сербии отличается крайне неоднородным этническим составом населения. По данным национальной переписи 2011 г.⁵⁵ доминирующей этнической группой являются сербы (66,76% от общего числа проживающих на территории Воеводины граждан). Вторая по численности группа – венгры (13%), третья – цыгане (7,64%). На территории автономного края проживают кроме сербов и венгров: албанцы, бошняки, болгары, буневцы, вlahи, горанцы, македонцы, муслиманы⁵⁶, немцы, словаки, словенцы, русины, русские, украинцы, румыны, цыгане и др. (всего 26 этнических групп). Сербы сохраняют свое доминирующее положение

во всей, кроме Косово и Метохии, Сербии, являясь титульной нацией. Это означает, что выделить титульную миноритарную этническую группу в Воеводине затруднительно. Это, а также данные экспертных интервью⁵⁷ указывают на то, что отнесение Воеводины в *этническом* территориальным автономиям является условным.

Исторически выделение Воеводины как автономии было связано с политикой Австрийской империи во второй половине XIX века, когда в 1960-х гг. Вена, идя на уступки этно-региональным освободительным движениям и требованиям интеллектуалов (в том числе и сербам, составлявшим большинство в Воеводине) фактически наделила *Сербскую* Воеводину автономией в составе Венгрии. Однако в результате пост-имперского переустройства в межвоенный период, а в дальнейшем и после II Мировой Войны Воеводина стала частью Югославии, а ее этнический состав, оставаясь гетерогенным, перестал отличаться от этнического состава Сербии в целом, поскольку сербы в крае являлись доминирующей этнической группой. Более того, наделение Воеводины статусом автономного края в период правления Б. Тито было сугубо политическим решением, не связанным с политикой преференций. Эксперты отмечают, что это было создание «автономии Сербов против сербов»⁵⁸: иными словами, решение Тито было обусловлено задачей ослабления сербов в составе Югославии⁵⁹.

Преференциальные политики в отношении современной Воеводины не касаются сфер бюджетной, фискальной политики, а также законодательного процесса – того желаемого воеводинскими политиками объема полномочий, который край имел, будучи в составе Югославии⁶⁰. Преференции (в фор-

⁵⁴ Ibid. P. 34.

⁵⁵ Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia / 2011 Census. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia, 2012. Book 1.

⁵⁶ Сербы предпочитают называть бошняков (боснийцев) муслиманами, указывая тем самым на их религиозную принадлежность.

⁵⁷ Серия экспертных интервью была проведена в сентябре 2016 г. в Белграде и Нови Саде.

⁵⁸ Интервью №5 (15.09.2016).

⁵⁹ Сербские историки и социологи рассматривают проект сложноустроенной и многоуровневой федерализации Югославии с выделением в составе субъектов автономий – Воеводины и Косова – как следствие задачи политического ослабления Сербии как союзной республики и сербов как этнической группы.

⁶⁰ Интервью №8 (16.09.2016).

мате возможностей) не выходят за пределы политики в области сохранения языка и культуры (Ст. 12 Конституции Сербии).

Венгры с 1994 г. боролись за возможность создания многоуровневой этнической автономии, предлагая в качестве практического решения защиты прав этнических меньшинств создания консультативных органов. Созданный в 1999 г. Альянсом воеводинских венгров «Этнический совет венгров Воеводины» стал прототипом для законодательного решения 2009 г. относительно институционализации этнических советов. Т. Паргер отмечает⁶¹, что ряд решений и предложений, которые были приняты венгерским этническим советом в период с 2002 по 2010 гг. были поддержаны на законодательном уровне Ассамблеей Воеводины: был составлен и утвержден список венгерских топонимов для городов, поселков и деревень, где большинство составляют этнические венгры, был создан венгерский педагогический колледж в Субботице как филиал университета г. Нови Сад. Политическим проводником предложений Этнического совета венгров на республиканском уровне начиная с 2008 г. был «Альянс воеводинских венгров». Когда в результате парламентских выборов Альянс стал парламентской партией, предложения Этнического совета венгров о законодательном расширении прав этнических советов вошли в повестку Скупщины Сербии, а в 2009 г. был принят закон «О советах этнических меньшинств»⁶².

Советы этнических меньшинств являются выборными на 4 года органами самоуправления, которые правомочны действовать в области культуры, образования, информирования и официального использования языков и алфавитов этнических меньшинств (ст.2). Эксперты отмечают, что члены этнических советов «работают “профессиональ-

ными венграми” или “словаками”»⁶³. Закон об этнических советах создал особую систему самоуправления для этнических меньшинств, институционально закрепив для них возможность через системы советов реализовывать свои права в области культуры, образования, средств массовой информации и официального использования языка. Советы несут консультативный характер, но при этом играют важную роль для поддержания национально-культурной автономии этнических меньшинств на территории как Сербии, в целом, так и Воеводины, в частности. Деятельность советов финансируется из государственного бюджета, но при этом они могут получать финансирование от иностранных и международных источников⁶⁴. Например, Венгрия и Румыния в качестве kin-states выступают через свои фонды в качестве доноров для соответствующих этнических советов в Сербии⁶⁵.

В соответствии с §1 ст. 24 Статута АК Воеводины сербский язык и кириллица являются официальными языком и алфавитом делопроизводства в крае. Кроме того, этим же правом на территории края обладают: венгерский, словацкий, хорватский, румынский и русинский языки и используемые ими алфавиты⁶⁶. Однако на муниципальном уровне список языков, используемых в официальном делопроизводстве, шире.

Сербия ратифицировала Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств. В соответствии с ней, а также национальной конституцией и региональным статутом «Правительство Воеводины ответственно за обеспечение официального

⁶³ Интервью №5 (15.09.2016).

⁶⁴ Например, албанские и бошняцкие советы финансово поддерживаются МИД Королевства Норвегия. (National Minorities Councils in Serbia / TransConflict. Mode of access: <http://www.transconflict.com/approach/programmes/institutions/nmc-serbia/>)

⁶⁵ Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 2.

⁶⁶ Vojvodina Basic Facts [Official site of Province of Vojvodina]. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina>

⁶¹ Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 4.

⁶² Law on the National Councils of National Minorities // Official Gazette of the RS. №72/2009, 20/2014 – the Decision of the Constitutional Court and 55/2014. Mode of access: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_mat=207&PHPSESSID=6ojvmmt68lo04ff839psef46u1

использования сербского языка (на кириллице и/или латинице), венгерского, словацкого, хорватского, румынского и др. языков этнических меньшинств, проживающих в крае. Члены правительства имеют право пользоваться родным языком в ходе выполнения своих должностных обязанностей как в устной, так и письменной форме»⁶⁷. Статут Воеводины фактически реализует положения Закона о защите прав и свобод этнических меньшинств Республики Сербия (2009, решение Конституционного суда 2014 г.)⁶⁸. Поддержка культуры и языков этнических меньшинств осуществляется через систему образования: в соответствии со ст. 13 Статута АК граждане имеют право получить образование на родном для них языке. Экспертные интервью, а также наблюдение свидетельствуют о том, что эта правовая норма реально реализуется в повседневной практике в муниципалитетах Воеводины. Беседы с жителями преимущественно словацкого по своему составу городка Бачка Петровац, а также сербско-венгерского Темерина подтверждают это. В школах либо выделяют отдельные классы для сербов и словаков, либо работают две отдельные школы. Однако тенденции глобализации, а также предпочтительные карьерные стратегии являются стимулом выбирать сербские классы или школы, если в будущем родители для своего ребенка определяют место получения профессионального или высшего образования Сербию («на врача или ветеринара выучиться можно только на сербском»⁶⁹). Если же родители, отдавая ребенка в среднюю школу выбирают обучение на миноритарном языке, то, как правило, в качестве желаемого ориентира выступает возможность получения высшего образования в *kin state*. Госу-

дарство в Сербии гарантирует и финансово обеспечивает языковые права этнических меньшинств. Например, на философском факультете университете Нови Сада есть несколько языковых кафедр, на каждой из которых работает по 10-12 преподавателей, обучающихся фактически по 2-3 студента. Для сравнения, на кафедре истории или социологии при таком же численном составе преподавателей обучается несколько десятков студентов⁷⁰.

Важным представляется то, что в случае Сербии преференциальная языковая политика не является локализованной, т.е. направленной и действенной в отношении конкретной территории. Она реализуется в отношении этнических сообществ, представители которых проживают в разных территориях страны, в том числе и в АК Воеводина. Но актуализация и институционализация этой политики стали важной частью процесса институционального оформления Воеводины как территориальной автономии с полиэтническим содержанием, где гарантировано сохранение и выживание любой, даже самой маленькой, этнической группы. При этом агентом институционализации языковой политики стали, прежде всего, венгры как первые в Воеводине среди этнических меньшинств.

* * *

Типичные случаи с точки зрения проверяемой в настоящем исследовании зависимости между силой ЯТР и уровнем самостоятельности ЭТА – Страна Басков и Шотландия – свидетельствуют о том, что актуализация борьбы за язык этнического меньшинства в условиях регионализации может носить вспомогательный, второстепенный и даже периферийный по отношению к иным регионалистским требованиям характер. Пример Страны Басков показывает, что требования стандартизации миноритарного языка, а также его продвижение в публично-правовом и образовательном пространствах в условиях, когда группа носителей языка по своим размерам является относительно небольшой, находят признание со стороны центра под влияни-

⁶⁷ Government of the Autonomous Province of Vojvodina. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina>

⁶⁸ Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina / Provincial Secretariat for Education, Regulations, Administration and National Minorities – National Communities. Mode of access: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php>

⁶⁹ Интервью №7 (15.09.2016).

⁷⁰ Интервью №5 (15.09.2016); интервью №8 (16.09.2016).

ем сопутствующих факторов: аналогичных требований иных регионов (например, Каталонии), задачи борьбы с радикальными террористическими организациями. В свою очередь в Шотландии языковые требования Шотландии в отношении скотс не являлись и не являются центральными в пакете регионалистских манифестаций в условиях, когда доля реальных носителей миноритарных языков крайне низка. Получается, что и в этом случае преференциальная языковая политика также не играла и не играет сколько-нибудь самостоятельной роли с точки зрения продвижения деволюции и усиления региональной автономии.

В Уэльсе, в отличие от Шотландии, ситуация совершенно иная. Относительно слабая (в рамках нашей выборки) автономия сопровождается крайне институционализированной, эффективной языковой политикой, в результате которой формируется сильный языковой режим. При этом, субъектами этой политики выступали не только авторы регионального уровня, но и Вестминстер в лице лейбористов, чьи электоральные интересы стимулировали поиск партнеров для коалиции на региональном уровне и выбора «политически» безопасной сферы приложения преференциальной политики – языка. Еще одним фактором силы и успешности языковой политики в этом случае при относительной слабости автономии выступает этнолингвистическая структура Уэльса: все-таки носителей валлийского языка (в относительных цифрах) несравнимо больше, чем в Шотландии.

Представляется, что сила ЯТР, сложившегося в Воеводине, с одной стороны, обусловлена традициями уважения и поддержки языковой, культурной и религиозной самобытности, восходящей ко временам как Австро-Венгерской империи, так и коммунистической эпохе Б. Тито⁷¹. Но, с другой, ограничена доминантным положением сербов как титульной группы на территории всей Сербии (за исключением Косова) и крайне полиэтничной и даже мозаичной структурой самой Воеводины, где самое крупное этноязыковое меньшин-

ство – венгры – политическую силу получают только, будучи в составе коалиций с общенациональными сербскими партиями. При этом традиции и институционально оформленные правила и механизмы защиты прав этноязыковых меньшинств не распространяются исключительно на автономию и политически ее, в общем-то, не усиливают. Эти обстоятельства, по-видимому, и ставят Воеводину в ряд нетипичных случаев.

Анализ отдельных, как типичных, так и отклоняющихся случаев, показывает, наряду с выявленной в результате корреляционного анализа общей тенденцией (связь между силой автономии и глубиной / универсальностью языкового территориального режима) институционализация, последовательность и масштаб языковой преференциальной политики определяют факторы контекстуального и структурного порядка. В первом случае речь идет, например, об исторических традициях (традиция обеспечения культурных и языковых прав этнических меньшинств в Воеводине, как части Австро-Венгрии или Югославии) и конкретной политической ситуацией, в которой происходит институционализация ЭТА (регионалистский дискурс для Уэльса был преимущественно внешним, задаваемым Шотландией, Северной Ирландией, а институционализация языковых преференций и прав стали результатом этнической мобилизации внутри региона и электоральной коалиционной стратегии лейбористов). В этих условиях влияние ратификации национальными правительствами «Европейской хартии национальных языков и языков меньшинств» являющейся внешним институциональным требованием усиливает языковую преференциальную политику. Но не менее значимыми являются и структурные факторы. Прежде всего, речь идет об этнической структуре ЭТА: размер этноязыкового меньшинства обуславливает политическую силу и ресурсы возможных субъектов языковых требований (партий, общественных этнических советов, НГО), успешность конвертации последних в институционализированный политический курс.

⁷¹ Интервью №5-6 (15.09.2016); интервью №7-11 (16.09.2016); интервью №12 (17.09.2016).

Литература:

- Асиновский А.С. Государства и их языки (Опыт России и европейских стран в области языкового строительства и языковой политики). Аналитическая записка. Режим доступа: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article>
- Бусыгина И. Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе // Казанский федералист. – 2007. – № 1-2. Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/>
- Волкова Г.И. Процесс федерализации Испании // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 6. – С. 78.
- Григорьева П.В. Язык в национальной системе образования (на примере языковой ситуации в Шотландии) // Социосфера. – 2010. – № 1.
- Для популяризации баскского языка в общественных местах реализуется инициатива «Рассказчик» // Герника. – 2010. – №4. Режим доступа: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmao-marxan-da>
- Кобрин К. О национальной гордости валлийцев: рецензия на книгу Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. St.Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm>
- Коданева С.И. О'Коннор С.Д. Страны с меняющимся государственным устройством: федерализм и деволюция на рубеже перехода к новому тысячелетию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел правоведеия. – М., 2002. – № 4.
- Мустафина Д. Основные направления языковой политики в регионах европейских государств (на примере автономий в Испании) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 29.
- Погосечи Дж. Языковые права в Испании / Пер. с англ. М. М. Красновой // Федерализм: Российское и международное измерения. – Казань, 2004. Вып. 1.
- Региональная политика стран ЕС / отв.ред. А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 82. Режим доступа: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf
- Тузлаева Е. Парадигма и типологические особенности языковой ситуации в современной равнинной Шотландии // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 106(5).
- Эускалцайндия: Академия баскского языка // Герника. – 2011. – № 1.
- 2011 Census: Welsh Language Skills by Local Authority, Gender and Detailed Age Groups. Mode of access: <https://stats.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-Gender-DetailedAgeGroups-2011Census>
- Agarín, T. Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2014, No. 3(20), pp. 349-369.
- Borisova, N.; Sulimov, K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // *Nationalities Paper*, 2018, Vol. 46, No. 3, pp. 358-373.
- Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), pp. 1-20.
- Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012.
- Cederman, L.-E. [et al.] Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // *American Political Science Review*, 2015, No. 2(109), pp. 354-370.
- Census Gives Insights into Characteristics of the Population in Wales. Mode of access: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/mro/news-release/census-21---wales/census-gives-insights-into-characteristics-of-the-population-in-wales.html>
- Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia / 2011 Census. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia, 2012. Book 1.
- Complex Autonomy Arrangements in Western Europe. A Comparative Analysis of Regional Consociationalism in Brussels, Northern Ireland and South Tyrol / Autonomy, Self-Governance, and Conflict Resolution: Innovative Approaches to Institutional Design in Divided Societies / ed. Weller Marc and Wolff Stefan. Routledge, 2005.
- ERAD Database. Mode of access: <http://identityworld.ru/index/database/0-21>
- Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, pp. 45-58.
- Government of the Autonomous Province of Vojvodina. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina>
- Ilievski, Z.; Wolff, S. Ethnic Conflict Regulation as Institutional Design: The Case of the Western Balkans. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Ethnic%20Conflict%20Regulation%20as%20Institutional%20Design.pdf>
- Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina / Provincial Secretariat for Education, Regulations, Administration and National Minorities – National Communities. Mode of access: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php>
- Law on the National Councils of National Minorities // Official Gazette of the RS. №72/2009, 20/2014 – the Decision of the Constitutional Court and 55/2014. Mode of access: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_m at=207&PHPSESSID=60jvmmmt68l04ff839psef46u1
- Liu, A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.
- National Minorities Councils in Serbia / *TransConflict*. Mode of access: <http://www.transconflict.com/approach/programmes/institutions/nmc-serbia/>
- One Wales: A Progressive Agenda for the Government of Wales. 27th June 2007.
- Pool, J. Language Regimes and Political Regimes / Language Policy and Political Development / ed. by Weinstein Brian. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.
- Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 4.
- The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>
- Vilarrubias, M. Un nuevo actor lingüístico en España // *El País*. 20 Abril 2015.
- Vojvodina Basic Facts [Official site of Province of Vojvodina]. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina>

Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

Welsh Language Board head Meirion Pryor Jones in crisis claim. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-17002698>

Williams, C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // *Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23).

Wolff, S. Complex Power-Sharing and the Centrality of Territorial Self-governance in Contemporary Conflict Settlements // *Ethnopolitics*, 2009, No. 1 (8), pp. 27-45.

References:

2011 Census: Welsh Language Skills by Local Authority, Gender and Detailed Age Groups. Mode of access: <https://stats.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-Gender-DetailedAgeGroups-2011Census>

Agarin T. Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2014, No. 3(20), pp. 349-369.

Asinovskij, A.S. Gosudarstva i ih jazyki (Opyt Rossii i evropejskih stran v oblasti jazykovogo stroitel'stva i jazykovej politiki). Analiticheskaja zapiska (Official Language (Language Building and Language Policy: Experience of Russia and European Countries)). Mode of access: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article>

Borisova, N.; Sulimov, K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // *Nationalities Paper*, 2018, Vol. 46, No. 3, pp. 358-373.

Brubaker, R. Language, Religion and the Politics // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 1(19), pp. 1-20.

Busygina, I. Regionalizacija v stranah Zapadnoj Evropy: Velikobritanija i Francija v sravnitel'noj perspektive (Regionalization in West European Countries: Comparative Analysis of Great Britain and France) // *Kazanskij federalist*, 2007, No. 1-2. Mode of access: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/>

Cardinal, L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // *Working Paper*, No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012.

Cederman, L.-E. [et al.] Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // *American Political Science Review*, 2015, No. 2(109), pp. 354-370.

Census Gives Insights into Characteristics of the Population in Wales. Mode of access: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/mro/news-release/census-21---wales/census-gives-insights-into-characteristics-of-the-population-in-wales.html>

Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia / 2011 Census. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia, 2012. Book 1.

Complex Autonomy Arrangements in Western Europe. A Comparative Analysis of Regional Consociationalism in Brussels, Northern Ireland and South Tyrol / Autonomy, Self-Governance, and Conflict Resolution: Innovative Approaches to Institutional Design in Divided Societies / ed. Weller Marc and Wolff Stefan. Routledge, 2005.

Dlja popularizacii baskskogo jazyka v obshhestvennyh mestah realizuetsja iniciativa «Rasskazchik» ("The Narrator": Public Initiative for the Basque Language Popularization) / *Gernika*, 2010. No. 4. Mode of access: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/276-espazio-publikoetan-euskara-sustatzera-bideratutako-kontalaria-egitasmoa-martxan-da>

ERAD Database. Mode of access: <http://identityworld.ru/index/database/0-21>

Glen, C. The Politics of Language Policy in Scotland // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*, 2010, Iss. IV, pp. 45-58.

Government of the Autonomous Province of Vojvodina. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina>

Grigor'eva, P.V. Jazyk v nacional'noj sisteme obrazovanija (na primere jazykovej situacii v Shotlandii) (Language in National Educational System: Language Situation in Scotland) // *Sociosfera*, 2010, No. 1.

Ilievski, Z.; Wolff, S. Ethnic Conflict Regulation as Institutional Design: The Case of the Western Balkans. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Ethnic%20Conflict%20Regulation%20as%20Institutional%20Design.pdf>
Jeuskalcajndija: Akademija baskskogo jazyka (Euskaltzaindiak: The Academy for the Basque Language) // *Gernika*. 2011. No. 1.

Kobrin, K. O nacional'noj gordosti vallijcev: recenzija na knigu Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context (On National Dignity of the Welsh: Book Review: Geraint, H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. 42 p.) Mode of access: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm>

Kodaneva, S.I.; O'Konor, S.D. Strany menjajushhimsja gosudarstvennym ustrojstvom: federalizm i devoljucija na rubezhe perehoda k novomu tysjacheletiju (Changing State Systems: Federalism and Devolution at the Beginning of XXI) // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 4. Gosudarstvo i pravo: RZh/RAN. INION. Centr social'nyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel pravovedenija. Moscow: 2002. No. 4.*

Law on the National Councils of National Minorities // Official Gazette of the RS. №72/2009, 20/2014 – the Decision of the Constitutional Court and 55/2014. Mode of access: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_m at=207&PHPSESSID=6ojvmm1681o04ff839psef46u1

Liu, A. Standardizing Diversity: The Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.

Mustafina, D. Osnovnye napravlenija jazykovej politiki v regionah evropejskih gosudarstv (na primere avtonomij v Ispanii) (Main Directions in the Regions of the European Countries (Autonomies in Spain)) // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 29.

National Minorities Councils in Serbia // *TransConflict*. Mode of access: <http://www.transconflict.com/approach/programmes/institutions/nmc-serbia/>

One Wales: A Progressive Agenda for the Government of Wales. 27th June 2007.

Poggeschi, Dzh. Jazykovye prava v Ispanii / Transl. by M. M. Krasnova (Language Rights in Spain) // *Federalizm: Rossijskoe i mezhdunarodnoe izmerenija. Kazan'*, 2004. Iss. 1.

Pool, J. Language Regimes and Political Regimes / Language Policy and Political Development / ed. by Weinstein Brian. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.

Purger, T. Ethnic Self-Governance in Serbia: The First Two Years of the National Minority Councils // *International Relations Quarterly*, 2012, Vol. 3, No. 2, p. 4.

Regional'naja politika stran ES (Regional Policy in the EU) / Ed. by A.V. Kuznecov. Moscow: IMEMO RAN, 2009. Mode of Access: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/10.5_kuznetsov.pdf

The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales. Mode of access: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/>

Tuzlaeva, E. Paradigma i tipologicheskie osobennosti jazykovoj situacii v sovremennoj ravninnoj Shotlandii (Paradigm and Typological Features of Language situation in Lowland Scotland) // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, № 106(5).

Vilarrubias, M. Un nuevo actor lingüístico en España // *El País*, 20 Abril 2015.

Vojvodina Basic Facts [Official site of Province of Vojvodina]. Mode of access: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina>

Volkova, G.I. Process federalizacii Ispanii [Federalization in Spain] // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 6.

Welsh Language Act 1993. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>

Welsh Language Board head Meirion Prys Jones in crisis claim. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-17002698>

Williams, C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // *Regional and Federal Studies*, 2013, No. 1 (23).

Wolff, S. Complex Power-Sharing and the Centrality of Territorial Selfgovernance in Contemporary Conflict Settlements // *Ethnopolitics*, 2009, No. 1 (8), pp. 27-45.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82>

“THE STRENGTH” OF TERRITORIAL AUTONOMY AND LANGUAGE PREFERENTIAL POLICY IN CONTEMPORARY WORLD

Nadezhda V. Borisova

Perm State University, Perm, Russia

<p>Article history: Received: 1 March 2018 Accepted: 27 April 2018</p>	<p>Abstract: A language is one of the significant factors that determine the structural characteristics of ethnic territorial autonomies. At the same time it is the object of preferential language policy that conducted by both national and regional governments. The article focuses on the question about the interrelation between the strength of autonomy and the scope of language preferential policy institutionalization. Last one is manifested in the weight of linguistic territorial regime. As a result of correlation analysis (the sample includes 28 cases) and comparative-oriented case-study analysis of Wales and Scotland in UK, Basque Country in Spain and Vojvodina in Serbia the structural and contextual factors causing or violating links between the strength of autonomy and the scope of language preferential policy institutionalization were identified. The features of the community' ethnic structure and ethno-linguistic minority share are the structural factors. The size of minority share affects the strategy and resources of the political actors who able to manifest language requirements and to convert it into institutionalized language policy. These actors are political parties, ethnic councils and NGO. The historical background and political context of ethnic territorial autonomy formation and language preferential policy institutionalization constitute the second group of factors. The logic of interrelation of both groups of factors is explained.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Political Science Department, Perm State University e-mail: borisova_nv@psu.ru</p>	<p><i>Acknowledgments: The article is prepared with support of Russian Science Foundation, Project No. 15-18-00034</i></p>
<p>Key words:: ethnic territorial autonomy; language preferential policy; ethno-linguistic minority; linguistic territorial regime</p>	

Для цитирования: Борисова Н.В. «Сила» территориальной автономии и языковая преференциальная политика в современном мире // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 62-82.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82

For citation: Borisova, Nadezhda V. «Sila» territorial'noi avtonomii i iazykovaia preferentsial'naia politika v sovremennom mire (“The Strength” of Territorial Autonomy and Language Preferential Policy in Contemporary World) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 62-82.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82